

Всеволод Кузнецов, Любовь Нерушева (Винница)

СОЗНАНИЕ, ВОЛЯ К ВЛАСТИ И ОТЧУЖДЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ

Тему отчуждения в работах Ницше мы уже рассматривали в статье *Чему положила конец смерть на кресте? Проблема неудовлетворенности сознанием у Достоевского и Ницше* [2, с. 253–267]. Указанная статья преимущественно была посвящена творчеству Достоевского, а идеи Ницше характеризовались в ней схематично и фрагментарно. Однако эти идеи вполне заслуживают специального рассмотрения.

Итак, отчуждение с точки зрения Ницше. Прежде всего, следует отметить: самим понятием «отчуждение» философ не пользуется, хотя тема отчуждения становится в его учении одной из ведущих.

По Ницше, отчуждение возникает вследствие конфликта жизни с самой собой. Философ предельно сближает понятия «жизнь» и «психическое», часто просто отождествляет их. Базисом жизни оказываются инстинкты. Но проблема жизни в том, что она эволюционирует и в процессе эволюции порождает нечто отличное от инстинктов и даже противоположное им – сознание. Сознание пытается оторвать жизнь от собственного инстинктивного базиса, и это ему удается.

Эволюция жизни в сторону сознания оказывается регрессивной эволюцией, неким отклонением от верного пути. «[...] Человек [...] есть самое неудачное животное, самое болезненное, уклонившееся от своих инстинктов самым опасным для себя образом [...] Как раз именно сознание, “дух”, мы считаем симптомом относительного несовершенства организма, как бы попыткой, прощупыванием, промахом, как бы усилием, при котором бесполезно тратится много нервной силы; мы отрицаем, чтобы что-нибудь могло быть совершенным, раз оно делается сознательно» [3, с. 641]. Сознание ослабляет инстинкты [5, аф. 439, с. 203], а, ослабляя их, ослабляет и жизнь. Поэтому «жизнь полнее там, где она менее всего сознательна» [5, аф. 439, с. 204].

Но проблема не только в том, что сознание уводит человека куда-то в сторону. Ситуация осложняется еще и незавершенностью сознания: «Сознательность представляет собою последнюю и позднейшую ступень развития органического и, следовательно, так же и наиболее недоделанное и немощное в нем. Из сознательности происходят бесчисленные промахи, вследствие которых зверь, человек гибнет раньше времени – “сверх рока”, как говорит

Гомер. Не будь смирительная рубашка инстинктов гораздо более могущественной, она не служила бы регулятором: человечество должно было бы погибнуть от своих извращенных суждений и бредов наяву, от своей неосновательности и легковерия, короче, от своей сознательности; да, оно погибло бы, или, скорее, его бы давно уже не существовало! Прежде чем какая-либо функция обрывается и достигает зрелости, она представляет собою опасность для организма: хорошо, если она на время как следует поработает!» [4, с. 522–523].

Возникает вопрос: перед нами два разных, во многом противоречащих друг другу объяснения вредности сознания или одно, но многоаспектное? Первое вполне вероятно: ведь Ницше не слишком внимателен и придирчив к противоречивости собственной аргументации. Но возможно и второе. И тогда выходит, что сознание потенциально способно открыть для человека какие-то новые перспективы именно как промах, ошибка эволюции, что создаваемая и задаваемая им ущербность для чего-то необходима.

Ницше, безусловно, величайший враг всякой ущербности. И все же... Отвлечемся пока от побиваемого камнями сознания и обратимся к главному объекту ницшевских восхвалений – воле к власти. Ницше постоянно подчеркивает ее избыточность, креативную потенцию, творческие функции, устремленность к законченности и совершенству. С другой стороны, в воле к власти присутствует и момент выбора, момент отсекающего всего лишнего: «Творить – значит выбирать и сообщать законченную форму избранному. (Во всяком волевом акте существенным является именно это)» [5, аф. 662, с. 309]. Выбор становится необходимым именно благодаря чрезмерному стремлению к избыточности: «Образующая сила есть то, что стремится накопить как можно больше “вещества” (как можно больше “силы”)» [5, аф. 660, с. 308]. Когда избыток накоплен, с ним нужно что-то делать, его требуется как-то организовывать, а вот тут уже приходится выбирать и отсекаать.

Стремление к совершенствованию себя и мира начинается с признания собственного и мирового несовершенства (или хотя бы неполного совершенства). Вот и Ницше вынужден признать, что, по крайней мере в человеческом мире, воля к власти производна от неполноты и отчуждения. Рассуждая о воле к власти, направляющей движение от человека к сверхчеловеку, философ пишет: «Существовавший до сих пор человек – как бы эмбрион человека будущего; все созидательные силы, которые имеют своей целью создание последнего, заключены уже в первом; а так как они колоссальны, то отсюда для теперешнего индивида, поскольку он определяет собой будущее, возникает страдание. Это глубочайшее понимание страдания: созидательные силы приходят в столкновение друг с другом. Отъединенность индивида не должна вводить в за-

блуждение. То, что индивид чувствует себя отдельным, это и есть наиболее могучий стимул в его движении по направлению к самым далеким целям; с другой стороны, его стремление к своему счастью служит средством, которое связывает созидающие силы и сдерживает их, дабы они не разрушили друг друга» [5, аф. 686, с. 326].

Здесь воля к власти предстает как сила, стремящаяся к творению онтологически совершенных и целокупных объектов (речь идет о полноте и совершенстве мощи, о способности к устойчивому возрастанию мощи и власти). Однако совершенство и целокупность не даются сразу, ускользают. Приходится двигаться к цели через игру с бытийно-неполными, неполноценными объектами. Ницше настаивает на наличии противоречия между избыточностью воли и недостаточностью объекта. Человек как промах эволюции меньше самого себя, меньше собственных потенциалов. Но – парадокс: именно эта ничтожность дает простор для развития скрытых возможностей. Будь человек больше и совершенней, он мог бы невольно или даже вольно тормозить такое развитие. Пожалуй, он мог бы даже дерзнуть стать истинно волящим субъектом. А так – человек остается объектом, точкой приложения (одной из точек приложения) воли к власти и не способен сделаться субъектом воли (впрочем, для Ницше понятия «субъект» и «объект» являются речевыми условностями, лишёнными реального содержания).

Особое внимание обращено в цитируемом отрывке на отчуждение. Здесь затронуты два аспекта последнего. Первый связан с временным конфликтом, со столкновением настоящего и будущего. Будущее, присутствующее в настоящем во всей полноте, взрывает настоящее, ибо настоящее не способно его вместить. Человек настоящего разрушается живущим в нем человеком будущего. Таким образом будущее отчуждается от человека настоящего. По отношению к нему оно выступает как враждебная, разрушительная сила. Нечеловеческая сила – ведь «человек будущего» в действительности уже не является человеком. Само существование человека настоящего делается иллюзорным, поскольку подлинным в настоящем является лишь будущее, а оно отчуждено, оно не принадлежит человеку. Конфликт времен порождает страдание.

Второй аспект связан с попыткой самозамыкания индивида. Это именно попытка, кажимость самозамыкания. Всегда есть поток сил, связывающий индивидов здесь и теперь. И есть другой поток, соединяющий «здесь-и-теперь» каждого индивида со всеми «когда-то» прошлого и будущего: «Мы – нечто большее, чем индивид: мы сверх того вся цепь, вместе с задачами всех этапов будущего этой цепи» [5, аф. 687, с. 326]. Если бы самозамыкание было подлинным, оно остановило бы развитие. Но кажимость отъединенности развитие только стимулирует. Момент сдерживания, торможения, который все же присутствует здесь, делает развитие

более сбалансированным. Иллюзия индивидуности помогает отдельным звеньям аккумулировать и использовать энергию всей цепи, а неизбежно порождаемое иллюзией стремление к частным цепям ведет к частичным энергопотерям, что помогает индивиду не захлебнуться в энергетическом преизбытке.

Вернемся теперь к сознанию. Сказанного выше достаточно, чтобы с большой долей вероятности предположить: ущербность последнего может играть и позитивную роль. Да и вообще Ницше всячески пытается избежать односторонности в подходах к сознанию. Это хорошо видно там, где философ обращается к проблеме его генезиса.

Сознание – продукт эволюции мира желаний, совершающейся под воздействием воли к власти и в интересах воли к власти. Огромную роль в становлении сознания играет стадный инстинкт: «Царство вождедений, из которого выросла логика: стадный инстинкт как подкладка. Допущение одинаковых случаев предполагает и “одинаковую душу”. В целях соглашения и господства» [5, аф. 509, с. 234]. Сознание выступает как инструмент общения объекта воли с окружающей средой: «Весьма существенно, чтобы не ошибались относительно роли “сознания”: оно развивалось на почве наших отношений к “внешнему миру”. [...] Обыкновенно принимают само сознание за общий сенсориум и высшую инстанцию; тогда как оно есть лишь средство взаимного общения: оно развилось из сообщения и в интересах сообщения. “Сообщение” понимается здесь как обнимающее также воздействия внешнего мира на нас и наши необходимые при этом реакции; в равней мере как и наши воздействия на внешний мир. Сознание не есть руководство, но лишь орган руководства». [5, аф. 524, с. 242].

Но главное здесь – общение внутри сообщества: «[...] Утонченность и сила познания всегда находятся в прямой связи со способностью общения человека (или животного), а способность общения [...] связана с потребностью в общении [...] Сознание вообще развивалось только под давлением потребности в общении [...] оно с самого начала было необходимо и полезно лишь в отношениях между людьми (в особенности между повелевающим и повинующимся) и [...] само развитие его находилось в прямой зависимости от степени этой полезности. Сознание есть по существу лишь коммутатор между человеком и человеком – лишь в качестве такового должно было оно развиваться: отшельническим и хищным натурам оно было бы ни к чему» [4, с. 674–675].

Как видим, хотя полезность сознания и признается ограниченной, тем не менее, без него не могут строиться отношения «между повелевающим и повинующимся», а, следовательно, воля к власти не способна без его посредничества организовывать человеческий мир. Однако и плата за выгоды, даваемые сознанием, высока:

проклятие стадности, тяготеющее над человечеством.

Развитие сознания намечает разрыв в человеческой психике, трещину самоотчуждения, которое выражается в противостоянии сознания и бессознательного. Но речь идет не только о Фрейденом бессознательном, хотя и оно не забыто. Ницше, как позднее Сартр, предполагает существование дорефлексивного когито: «[...] Человек, как всякая живая тварь, постоянно мыслит, но не знает этого; осознаваемое мышление есть лишь самомалейшая часть всего процесса, скажем так: самая поверхностная, самая скверная часть [...]» [4, с. 675]. Тут явное заострение парадокса: осознающая, самосознающая часть — худшая часть мышления, но именно без нее нормальные отношения господства-подчинения среди людей не выстраиваются, а значит, у воли к власти возникают трудности.

Впрочем, осознание, самосознание больше всего необходимо слабым, подчиняющимся: «То, что наши поступки, мысли, чувства, движения сами вошли в сознание — по крайней мере, частично, — было следствием “нужды”, страшно долгое время господствовавшей над человеком: он нуждался, будучи рискованным животным, в помощи, защите, он нуждался в себе подобном, он должен был выражать свою нужду, уметь толком объясняться, — и для всего этого ему необходимо было прежде всего “сознавать”, стало быть “знать”, чего ему не достает, “знать”, каково у него на душе, “знать”, что он думает» [там же]. Рефлексивное когито означает здесь способность изливать душу. Однако это небезопасно для изливаемой души.

Родовой признак рефлексивного когито — его знаковость: «[...] Одно только это сознательное мышление и протекает в словах, т.е. в знаках общения, которыми и возмещается начало сознания. Коротче говоря, развитие языка и развитие сознания (не разума, а только самоосознания разума) идут рука об руку. Следует добавить к этому, что не только язык служит мостом между одним человеком и другим, но и всякий вообще взгляд, нажим, жест; сознательность наших чувственных впечатлений в нас самих, сила, позволяющая фиксировать их и как бы помещать их вовне, возрастала пропорционально росту необходимости передавать их другим посредством знаков. Изобретающий знаки человек есть одновременно все более остро сознающий себя человек; лишь в качестве социального животного научился он сознавать себя [...]» [там же].

Передача другому личностных чувственных впечатлений посредством знаков есть чудовищное отчуждение духовной жизни индивида, отчуждение, сопровождаемое обеднением, вульгаризацией, стандартизацией, переводом индивидуального на язык родового. То же самое происходит и в процессе самопознания, ибо самопознание есть диалог между дорефлексивным и рефлексивным

когито, предполагающий перевод содержания дорефлексивного когито на язык знаков: «[...] Сознание, собственно, не принадлежит к индивидуальному существованию человека, скорее, оно принадлежит к тому, что есть в нем родового и стадного; оно, как и следует отсюда, достигает утонченного развития лишь в связи с родовой и стадной полезностью, и, стало быть, каждый из нас, при всем желании в максимальной степени понять себя индивидуально, “узнать самого себя”, всегда будет сознавать только неиндивидуальное в себе, свой “средний уровень”, – сама наша мысль своей сознательностью – повелевающим в ней “гением рода” – постоянно как бы набирает большинство голосов [...] и переводится обратно в стадные перспективы. Нет никакого сомнения, все наши поступки, в сущности, неповторимо личностны, уникальны, безгранично-индивидуальны; но стоит лишь нам перевести их в сознание, как они уже не выглядят таковыми [...]» [4, 675–676].

Стало быть, знак – орудие отчуждения. И поскольку сознание использует знаки в постижении мира, постольку человек от мира отчуждается, причем отчуждается весьма специфическим образом: теряет личностное восприятие мира, подчиняется стадному взгляду на мир: «[...] природа животного сознания влечет за собой то, что мир, который мы в силах осознать, есть только мир поверхностей и знаков, обобщенный, опошленный мир, – что все осознаваемое уже тем самым делается плоским, мелким, относительно глупым, общим, знаком, стадным сигналом, – что с каждым актом осознания связана большая и основательная порча, извращение, обмеление и обобщение» [4, с. 676].

Весь этот негатив поистине ужасен. Но воля к власти постоянно направляет сознание на правильный путь. Пусть познание мира стадно, но суть не в этом. «Познание работает как орудие власти. Поэтому совершенно ясно, что оно растет соответственно росту власти. [...] Для того, чтобы определенная порода могла удержаться и расти в силе, она должна внести в свою концепцию реальности столько пребывающего себе равным и доступного учету, чтобы на этом можно было построить схему поведения. [...] Мера желания познать зависит от меры роста воли к власти в сказанной породе; каждая порода захватывает столько реальности, сколько она сможет ее одолеть и заставить служить себе» [5, аф. 480, с. 224].

С помощью сознания человек подчиняет себе мир. Подчинение это мыслится достаточно своеобразно. Человек конструирует удобный для себя мир, мир которым легко овладеть: «Не “познавать”, но схематизировать, – придать хаосу столько регулярности и форм, сколько потребно для наших практических целей» [5, аф. 515, с. 236]. Созданная сознанием схема вносится в реальность и перекраивает ее нужным образом. После этого человек получает

возможность управлять реальностью: «Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и упрощающий аппарат – направленный не на познание, но на овладение вещами: “цель” и “средство” так же далеки от истинной сущности, как и “понятие”. При помощи “цели” и “средства” овладевают процессом (измышляют процесс, доступный пониманию), а при помощи “понятий” – “вещами”, которые образуют процесс» [5, аф. 503, с. 232]. Собственно, «реальность» есть всего лишь равнодействующая всех подобных воздействий на мир: «Реальность именно и состоит из частных акций и реакций всего единичного, направленных на целое [...]» [5, аф. 567, с. 263]. Такая обработка мира является также процессом внесения в «реальность» созданных человеком ценностей: «Мир явлений – это значит мир, рассматриваемый с точки зрения ценностей: урегулированный и подобранный по ценностям, т.е. с точки зрения полезности в смысле сохранения и возвышения власти определенного зоологического вида» [там же].

Овладение миром сопровождается «овнутрением» сознания: «Сознание, – начинаясь совершенно внешним образом, как координация и осознание “впечатлений”, – вначале наиболее удалено от биологического центра индивида; но это – процесс, который углубляется, делается все более внутренним, непрерывно приближаясь к этому центру» [5, аф. 504, с. 232]. Естественно, для сознания открывается возможность стать чем-то более личностным, что означает конфликт стадного и индивидуального начал, развертывающийся в самом сознании. Индивид, в котором личностное берет верх над стадным, отчуждается от стада. Это соответствует основной тенденции развития, согласно которой «дело идет не о роде, а о более сильно выраженных индивидах. (Масса – только средство)» [5, аф. 681, с. 321].

Впрочем, как раз в этом пункте логика Ницше отнюдь не безупречна. Философом слишком явно движет ненависть к стадности. Между тем, куда более логичным и легче выводимым из предшествующих рассуждений выглядит иной путь развития сознания – тот, который проработан в творчестве Джона Уиндэма (прежде всего в *Куколках* и *Кукушках Мидвича*).

Уиндэма увлекает тема борьбы между двумя биологическими видами – между человеком и сверхчеловеком. В *Куколках* этот межвидовой конфликт показан с точки зрения нарождающейся сверхчеловеческой расы, в *Кукушках Мидвича* – с точки зрения людей.

По Уиндэму, сознание также в основном ориентировано вовне. Поэтому оно фатально привязано к органам чувств, обеспечивающих ему контакт с внешним миром: «[...] Преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать инфор-

мацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб» [9, с. 108]. Поэтому в *Дне триффидов* обнаруживается преимущество куда более простого триффидного интеллекта перед интеллектом ослепшего человечества» [9, с. 54–55].

Не менее важна коммуникация между людьми. В *Куколках* дальнейшая эволюция человека понимается как эволюция сознания: «Это единственный путь, открытый человеку, – отыскивать и развивать новые свойства своего разума» [9, с. 307–308]. А наиболее перспективный путь эволюции сознания связан именно с развитием коммуникации между людьми.

Герои *Куколок* получают способность объединять сознания и «думать вместе». В этом они превосходят прежних людей, отчужденных друг от друга несовершенными средствами межличностной коммуникации: «Они были всего-навсего хитроумные полудельцы, немногим лучше дикарей. Каждый из них был отрезан от другого, их связывали только неуклюжие слова. И часто различия в языке или убеждениях отдаляли их друг от друга еще больше. Некоторые из них мыслили сами по себе, но они были обречены на одиночество. Иногда они могли разделять чувства друг друга, но думать сообща им было не дано. Пока они жили в примитивных условиях, они еще могли существовать, как могут животные. Но чем больше они усложняли мир вокруг себя, тем меньше могли с ним управляться. У них не было способов создания истинного единения. Они научились действовать сообща маленькими группами, но большие группировки они собирали только для разрушения. Они жадно домогались всего, а затем отказывались брать на себя ответственность за собственные действия. Они создавали множество проблем, а потом прятались от них за частоколом тщетных надежд. У них не было ни настоящего общения, ни истинного взаимопонимания. В лучшем случае они могли быть одухотворенными животными, не более» [9, с. 376].

Полную противоположность устаревшей разновидности *Номо сариенс* представляют люди, способные к непосредственному ментальному общению: «Мы способны думать сообща и понимать друг друга так, как им и не снилось, мы учимся использовать наш объединенный разум для решения возникающих задач. Кто знает, где предел нашему продвижению вперед. Мы не заперты в самих себе, как в камерах-одиночках, когда общаться можно лишь с помощью маловыразительных слов. Мы понимаем друг друга настолько, что нам не нужны законы, в которых человек уподобляется стандартному кирпичу. Никогда мы не вообразим себе такую глупость, будто мы можем стать равными и одинаковыми, как штампованные монеты. Мы не пытаемся установить для всех еди-

ные рамки поведения, мы не подчиняемся догмам и не учим Бога, как он должен был устроить мир. Главное для живущего – жизнь, главное в жизни – перемена, перемена – это движение, мы находимся внутри этого движения» [9, с. 412].

Здесь происходит преодоление стадности изнутри. Стадность обусловлена тем, что слияние и сплочение обычных людей возможно лишь за счет действия целого ряда внешних механизмов, нивелирующих отдельную личность. Но когда стадное сплочение достигает определенного уровня, становится возможным взломать ментальные барьеры между отдельными личностями. Внешнее давление перестает быть необходимым, и личности раскрепощаются.

Ломаются не только межличностные барьеры, но и барьеры внутри личности. Обычный человек (или даже новый человек, оказавшийся во враждебном окружении) вынужден делить собственное Я на внутреннее и внешнее, чтобы утаить от окружающих свою истинную суть. Часто он посвящает созданию ложного образа, образа-панциря всю сознательную жизнь: «Меня звала Розалинда, настоящая Розалинда, внутренняя, которая очень редко показывалась на свет. Другая Розалинда, практичная, умелая, была не она, а всего лишь ее продуманный образ. Я помнил, как она начала его создавать еще в ту пору, когда была трепетным, пугливым, но очень решительным ребенком. Пожалуй, раньше всех нас она осознала, что находится во враждебном мире, и обдуманно вооружила себя против него. Панцирь нарастал медленно, пластина за пластиной. Я наблюдал, как она подыскивала себе оружие, училась пользоваться им, как тщательно создавала она себе личину и как носила ее с таким постоянством, что временами даже сама начинала в нее верить» [9, с. 368–369].

Пробить такую броню не просто. Ее не берут даже обычные ментальные контакты: «Никто на свете не знал потаенную Розалинду. Даже Майкл и все наши могли уловить только случайные проблески ее души. Они не знали, какой ценой была создана внешняя Розалинда. Никто из них не видел мою милую, нежную Розалинду, жаждущую убежища, любви и доброты, саму напуганную своей выстроенной защитной оболочкой, но страшющуюся остаться один на один с внешним миром без нее» [9, с. 369].

Для преодоления таких препятствий нужна любовь. Она-то разрушает любые барьеры: «Моя любовь полилась к ней. Ее – ко мне. Моя успокаивала и гладила, ее – ласкала. Расстояние, различия между нами исчезли. Мы соприкасались, соединялись, сливались в одно целое. Не было больше ЕЕ и МЕНЯ, существовали только – МЫ ВМЕСТЕ. Мы совершили краткий побег из одиночной камеры, и этот нераздельный мир принадлежал нам обоим [...]» [там же]. Поэтому идеальное сообщество новых людей несомненно должно состоять из влюбленных пар.

Преодоление стадности через ментальное сплочение – это один вариант развития сверхчеловека. Но Уиндэм проигрывает и второй, связанный с отказом от личностного начала во имя появления Сверхличности. Таковы мидвичские «кукушата»: «Нам кажется, что перед нами пятьдесят восемь крошечных личностей. Но внешность обманчива, и мы обнаруживаем, что на самом деле перед нами лишь две личности, два существа – мальчик и девочка, причем мальчик состоит из тридцати комплектующихся деталей, имеющих физическую структуру и внешность мальчиков, а девочка имеет двадцать восемь таких частей» [9, с. 518].

Впрочем, возможно, что в последнем случае перед нами только зародышевая форма сверхчеловека. Может быть, когда сверхчеловек сформируется полностью, каждый сверхразум и сверхличность будут иметь отдельное тело-носитель. «Что ж, дух, сознание – они ведь живые, они не могут быть статичны, это нечто либо постепенно развивающееся по восходящей, либо постепенно исчезающее. Эволюция духа предполагает неизбежное появление духа еще большего. Предположим, что этот еще больший дух, это суперсознание, попытается появиться на жизненной сцене. Такая конструкция, как организм обычного человека, не годится для его воплощения. Супермена же, чтобы вместить такое сознание, пока не существует. Разве не может быть, что из-за отсутствия единого «помещения» его место займет группа людей? Ну представьте, будто энциклопедия переросла границы одного тома. Если это возможно, то вполне вероятны и два суперсознания, обитающих в двух разнополюх группах» [9, с. 520–521]. И возможно, для будущих сверхчеловеков эти суперсознания играют роль Адама и Евы [там же]. Здесь просто напрашивается аналогия с Адамом Кадмоном.

Таким образом, уиндэмовские построения могли бы служить великолепной поправкой к ницшевской теории эволюции сверхчеловека. Уиндэм признает необходимость «стада» как этапа эволюции. Он даже предполагает возможность превращения «стада» в сверхорганизм и допускает, что личность и индивидуальность могут на каком-то этапе развития стать оковами для сверхсознания. Ницше же, не найдя никакого, даже временного, оправдания стадности, все время ходит по кругу: признав за рожденным стадностью сознанием какую-то полезность, он тут же возвращается к безоговорочному его осуждению: «В конце концов растущее сознание есть опасность, и тот, кто живет среди наиболее сознательных европейцев, знает даже, что это болезнь» [4, с. 676].

Болезнетворность сознания особенно ярко проявляется во взаимоотношениях человека с окружающим миром. Сознание не хочет знать действительного мира, возникающего в результате взаимодействия квантов воли к власти. Оно действует в интересах стада, а для последнего такой мир неприятен и опасен. Поэтому

сознание подстраивает реальность под инстинкты стада.

Стадо пугливо. И главная цель познания — убить страх. Страх порождается неизвестностью. Следовательно, надо доказать, что неизвестное и чуждое на самом деле давно и хорошо нам знакомо: «[...] Что, собственно, понимает народ под познанием? Чего он хочет, когда хочет “познания”? Ничего иного, кроме того, чтобы свети нечто чуждое к чему-то знакомому. А мы, философы, — разве мы понимаем под познанием нечто большее? [...] Разве наша потребность в познании не есть именно эта потребность в знакомом? Воля — среди всего чужого, непривычного, сомнительного обнаружить нечто такое, что не беспокоит нас больше? Не должно ли это быть инстинктом страха — то, что велит нам познавать? Не должно ли ликование познающего быть ликованием как раз по случаю вновь обретенного чувства уверенности?...» [4, с. 676–677].

Свое, знакомое, известное — это стабильность. О стабильности мечтает обычный человек, человек стада. Но мечта неосуществима, ибо нестабильность — второе имя реальности [1, с. 45]. Там, где традиционная философия видит взаимодействие хотя бы относительно устойчивых субъектов и объектов, Ницше обнаруживает только процессы (конструирование субъектов и объектов — работа сознания): «Устойчивость, неизменность в себе, бытие не присущи ни тому, что называется субъектом, ни тому, что называется объектом: это только комплексы процессов, по отношению к другим комплексам кажущиеся устойчивыми — благодаря, напр., разнице в темпе процесса [...]» [5, аф. 552, с. 256]. Из чего сознание вылепливает «вещь»? Из взаимодействий, из воздействия одних процессов на другие, из их взаимосвязи: «Свойства какой-нибудь вещи суть ее действия на другие “вещи”: если мысленно устранить другие “вещи”, то вещь не будет иметь никаких свойств, т.е. не существует вещи без других вещей, т.е. не существует “вещи в себе”; “Вещь в себе” есть понятие, лишенное смысла. Если я мысленно устранил все отношения, все “свойства”, все “деятельности” какой-нибудь вещи, то вещи не останется: потому что вещь необходима лишь присочинена нами, под давлением логических потребностей, следовательно, в целях обозначения, понимания друг друга (для связи множественности отношений, свойств, деятельностей)» [5, аф. 557–558, с. 260].

Расправившись с «вещью», Ницше переходит в атаку на «субъект»: «Субъект: это — терминология нашей веры в единство всех различных моментов высшего чувства реальности [...]. “Субъект” есть фикция, будто многие наши одинаковые состояния суть действия одного субстрата: но мы же сами создали “одинаковость” этих состояний; на деле одинаковость нам не дана, а мы сами предполагаем эти состояния равными и приспособляем их друг к другу»; «Допущение единого субъекта, пожалуй, не явля-

ется необходимым; может быть, не менее позволительно принять множественность субъектов, солидарные деятельность и борьба которых лежат в основе нашего мышления и вообще нашего сознания. Некоторого рода “аристократия клеток”, в которых заложена власть? [...] Мои гипотезы: субъект как множественность» [5, аф. 485, 490, с. 226, 228]. Словом, субъект тоже предстает как комплекс состояний, процессов, квантов воли к власти и т.д.

Этот комплекс не ограничен четко от других комплексов. «Субъекты» взаимодействуют, сливаются, делятся: «Никаких субъектов — «атомов». Сфера всякого субъекта постоянно разрастается или сокращается, перемещается постоянно и центр системы; в случае, когда он не в силах организовать усвоенную массу, он распадается надвое. С другой стороны, он может преобразовать более слабый субъект, не уничтожая его, в подручную себе силу и до известной степени образовать с ним новое единство» [5, аф. 488, с. 227].

При таком подходе к «субъекту» становится условным деление на телесное и психическое. То, что мы называем психическим, — некий комплекс в большой системе комплексов: «Исходная точка: тело и физиология почему? — Мы приобретаем этим путем правильное представление о свойстве нашего субъекта — единства, именно как о правителе, стоящем во главе некоторого общества [...]» [5, аф. 492, с. 228]. Комплекс «тело» устроен так же, как и комплекс «душа». Тело понимается как система господства: «Аристократия в теле, многочисленность господствующих (борьба клеток и тканей). [...] Образующая сила есть то, что стремится накопить как можно больше “вещества” (как можно больше “силы”)» [5, аф. 660, с. 308].

В. А. Подорога так характеризует Ницшево восприятие телесности: «Мыслить тело можно, постоянно преодолевая классические оппозиции «субъект — объект», «дискретное — непрерывное», «микрокосм — макрокосм», экспериментируя с такими аналогиями, образами, метафорами, которые не только разрушают подобные оппозиции, но и формируют представление о телесной активности, как о непрерывно становящемся потоке психосоматических событий, ни одно из которых не может быть “фиксировано” в рефлексивной процедуре декартовского типа. Не конкретное человеческое тело и его доступная внешнему наблюдению пространственность, а “сверхтело”, совокупность микроскопических отношений сил, энергий, пульсаций, где любой из мельчайших элементов обладает собственной, вполне автономной сферой пространства, специфической перспективой роста, внутренним законом, не подчиненным никаким извне полагаемым целям, кроме одной: “прясть и дальше всю нить жизни и притом так, чтобы нить делалась все мощнее» [8, с. 21].

Испуганное сознание отказывается воспринимать действительность такой, какова она есть, и принимается за конструирование более удобной реальности, главное требование к которой — опять-таки стабильность. К конструированию реальности человека толкают и творческие импульсы. Сочетание страха и воли к творчеству рождает «метафизический мир». «Человек проецирует свое стремление к истине, свою “цель” в известном смысле вне себя, как сущий мир, как метафизический мир, как “вещь в себе”, как предсуществующий мир. Его потребность, как творящего, избретает мир, над которым он работает, предвосхищает его; это предвосхищение (эта “вера” в истину) служит для него опорой» [5, аф. 552, с. 256]. Здесь подчеркивается полезность «метафизического мира». Ницше высказывается и откровеннее: «Жизнь построена на предпосылке веры в нечто устойчивое и регулярно возвращающееся; чем могущественнее жизнь, тем шире будет доступный объяснению, как бы сделанный сущим мир. Логизация, систематизация, рационализация как вспомогательные средства жизни» [там же]. В то же время «метафизический мир» вклинивается между человеком и истинной реальностью, заслоняет, затмевает последнюю. Результатом становится конфликт человека с миром, отчуждение от мира.

Однако универсум Ницше — это живой универсум. Разница между неорганическим и органическим здесь не слишком велика (если она вообще имеется). И органический и неорганический мир равно управляются волей к власти. С последней Ницше отождествляет физическое понятие силы: «Восторжествовавшее понятие “сила”, с помощью которого наши физики создали Бога и мир, требует, однако, дополнения: в него должна быть внесена некоторая внутренняя воля, которую я называю “волей к власти”, т.е. ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью как творческий инстинкт и т.д.» [5, аф. 619, с. 291]. В том же ключе трактуется и понятие «закон»: «Неизменное следование друг за другом известных явлений доказывает не “существование закона”, а отношение власти между несколькими силами» [5, аф. 631, с. 294].

В конечном счете, неорганический мир может быть понят как род жизни психического. Если это и не жизнь в собственном смысле слова, то, по меньшей мере, преджизнь (тейярдистский термин тут весьма к месту). Ницше пишет: «Допустим, что нет иных реальных “данных”, кроме нашего мира вожелений и страстей, что мы не можем спуститься или подняться ни к какой иной “реальности”, кроме реальности наших инстинктов — ибо мышление есть только взаимоотношение этих инстинктов, — не позволительно в таком случае сделать опыт и задаться вопросом: не достаточно ли этих “данных”, чтобы понять из им подобных и так называемый

механический (или “материальный”) мир? Я разумею, понять его не как обман, “иллюзию”, “представление” (в берклиевском и шопенгауэровском смысле), а как нечто, обладающее той же степенью реальности, какую имеют наши аффекты, – как более примитивную форму мира аффектов, в которой еще замкнуто в могучем единстве все то, что потом в органическом процессе ответвляется и оформляется (а также, разумеется, становится нежнее и ослабляется) как род жизни инстинктов, в которой все органические функции, с включением саморегулирования, ассимиляции, питания, выделения, обмена веществ, еще синтетически вплетены друг в друга, – как праформу жизни?» [6, с. 269–270].

Поэтому когда, завернувшись в кокон метафизического мира, человек начинает отрицать мир реальный, он отрицает и жизнь. Жизнь, которая должна быть единственной подлинной ценностью, отвергается во имя ценностей мнимых – ценностей, создающихся враждебными жизни философией, моралью, религией. Вот, к примеру, о философии: «История философии – это скрытая ярость против основных предпосылок жизни, против чувств, ценности жизни, против всего, что становится на сторону жизни. Философы никогда не останавливались перед утверждением какого-либо мира, раз только этот мир противоречит данному миру и дает указания для осуждения этого мира» [5, аф. 461, с. 214].

Но, тем не менее, человек охотно становится моральным, религиозным, философствующим и переориентирует себя на иллюзорный мир. И едва только человек подчиняет свое существование стремлению к достижению вымышленной реальности, сознание провозглашается конечным пунктом эволюции жизни. «Основная ошибка кроется в том, что мы вместо того, чтобы понять сознательность лишь как орудие и частность в общей системе жизни, принимаем ее в качестве масштаба, в качестве высшей ценности жизни» [5, аф. 707, с. 338].

Сознание отчуждает человека от жизни, но не только. В конце концов, жизнь важна для Ницше не сама по себе. Есть нечто более важное: «Жизнь есть частный случай; нужно оправдать всякое существование, а не только жизнь, оправдывающий принцип это такой, из которого объясняется жизнь. Жизнь только средство к чему-то: она есть выражение форм роста власти» [5, аф. 706, с. 336]. Одна подмена ведет к другой. Подчиняя себе жизнь, сознание стремится подчинить и волю к власти. И в первом, и во втором случае цель заменяется средством.

Цепь подмен завершается утверждением антропоцентризма. Человек отождествляется с сознанием. Поэтому выражения «сознание – венец эволюции» и «человек – венец творения» разными словами выражают одно и то же. А если человек завершает творение, он сам обязан быть совершенным. И *Homo sapiens* объявляет-

ся чем-то застывшим, ставшим. Меж тем, для Ницше человек — лишь динамический момент становления: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [7, с. 9]. Человеческое сознание и познание также момент становления. Они существуют и работают для сверхчеловека, на сверхчеловека: «Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели» [7, с. 10].

Итак, человек и отчуждение связаны неразрывно. Причем отчуждение — та самая палка, которая о двух концах. Оно приносит и добро и зло. И, может быть, само оно — по ту сторону добра и зла? Вполне возможно. В любом случае оно играет решающую роль в определении статуса человека.

Когда животное, становящееся человеком, порывает с инстинктивной основой собственной жизнедеятельности, отчуждение закрепляет статус нового существа как ошибки эволюции. Отчуждение становится топологическим. Речь идет о лишенности онтологического места («ошибка» не может иметь собственного места в принципе). Топологическое отчуждение выковывает волю к обретению нового онтологического места. Упав ниже животного состояния, человек хочет не вернуться назад, но подняться выше — к сверхчеловеку.

Следует, однако, иметь в виду, что онтологическое место для Ницше не есть топос в собственном смысле слова. Его нельзя рассматривать как четкую локализацию некой сущности в иерархии бытия. Онтологическое место — это некий максимум силы, мощи, до которого способен подняться данный вид и на котором этот вид способен удержаться в течение определенного исторического времени. Собственно, подлинным источником вселенской воли к власти как раз и является всеобщая безместность. Власть через могущество — вожденная сверхкомпенсация тотальной атопии.

Человек же есть минимум мощи по сравнению с животным. Максимум (новый, неживотный максимум) дан ему как идеал. Но, достигнув максимума, он перестает быть человеком. Человеческое состояние — скатывание с одного максимума и порыв к другому. Таким образом, это состояние определяется парадоксальным сочетанием угасания и возрастания воли к власти.

Постоянная сшибка двух разнонаправленных (нисходящего и восходящего) волевых потоков рождает отчуждение от воли к власти. Человек жаждет обменять волю к власти на стабильность. В действительности он не отбрасывает волю к власти, но лишь переацеливает ее, направляет на конструирование собственного онто-

логического места, причем пытается создать именно место как топос. Для этого он сочиняет собственную «сущность» и «сущность вещей», творит «метафизический мир». В этом иллюзорном мире он и пытается выгородить для себя топос. Однако топосом его становится весь «метафизический мир».

«Метафизический мир» отчуждает человека от истинной реальности, реальность перманентно противоборствующих сил и воля, но он же защищает человека. Именно он и позволяет парадоксальным образом связать, слить разноправленные потоки силы в единый поток. Оболочка «метафизического мира» не дает потокам разойтись. А ведь если они разбегутся, не будет человека. И, следовательно, не будет моста между животным и сверхчеловеком. Значит, «метафизический мир» это кокон, в котором животное трансформируется в сверхчеловека. Тут вновь возникает уиндэмовская проблематика, ибо, по Уиндэму, человек — куколка сверхчеловека.

Но кокон опасен. Он может задушить, окаменить находящееся в нем существо. И опять вмешивается отчуждение. Человек отчуждается от «метафизического мира». Это отчуждение — залог того, что кокон рано или поздно будет прорван. Впрочем, и здесь кроется опасность. Нисходящие и восходящие токи силы создаются отражением от стенок кокона, и если кокон будет прорван в точке падения, а не в точке взлета... Но так работает маятник силы, маятник воли, маятник отчуждения...

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В. Г., Нерушева Л. Г. *Постмодернизм и проблема синтеза восточной и западной философских парадигм* // *Post officis*, 1998, № 1, С. 44–50.
2. Кузнецов В. Г., Нерушева Л. Г. *Чему положила конец смерть на кресте? Проблема неудовлетворенности сознанием у Достоевского и Ницше* // Кузнецов В. Г., Нерушева Л. Г. *Вселенная Россия: истины и мнимости*. — Винница: ЧП Усатюк, 2000, С. 253–267.
3. Ницше Ф. *Антихрист. Проклятие христианству* // Ницше Ф. *Сочинения* в 2 т. — М.: Мысль, Т. 2, 1990, С. 63–692.
4. Ницше Ф. *Веселая наука (la gaia scienza)* // Там же, Т. 1, 1990, С. 491–719.
5. Ницше Ф. *Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей*. — М.: REFL — book, 1994.
6. Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего* // Ницше Ф. *Соч...*, Т. 2, 1990, С. 238–406.
7. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого* // Там же, С. 5–237.
8. Подорога В. А. *Мир без сознания (проблема телесности в философии Ницше)* // *Проблема сознания в современной западной философии: Критика некоторых концепций*. — М.: Наука, 1989, С. 15–32.
9. Уиндэм Дж. *День триффидов*. — М.: Аст, 2002.

Статью принято до друку 22. 10. 2002